

ЭМИЛИ БАРР

ЭМИЛИ БАРР

НОЧНОЙ
ПОЕЗД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б25

Серия «Психологический триллер»

Emily Barr
THE SLEEPER

Перевод с английского *Н.А. Кудашевой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Барр, Эмили.

Б25 Ночной поезд : [роман] / Эмили Барр ; [пер. с англ. Н. А. Кудашевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-092226-0

Скучающая в провинции замужняя красавица завела роман с симпатичным попутчиком в поезде, сбежала с ним, а потом, после какой-то ссоры, убила?

Такова версия полиции, расследующей дело об исчезновении Лары Финч и гибели ее бойфренда Гая.

И только тихая, скромная Айрис, подруга Лары, уверена: полиция ошибается. Лара не преступница, а жертва преступления. Не зря она все время кого-то боялась, жила в постоянной тревоге, как будто оглядываясь через плечо и готовясь к бегству...

Но как помочь Ларе, пока не стало слишком поздно? С несвойственной ей отвагой Айрис начинает поиски и шаг за шагом продвигается по следу старых грехов и темных, опасных секретов...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Emily Barr, 2013
© Перевод. Н.А. Кудашева, 2016
ISBN 978-5-17-092226-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Январь

Она должна была вернуться два часа назад. Человек не может исчезнуть из поезда посреди ночи, но, судя по всему, она исчезла. Насколько нам известно, она села в поезд на вокзале Паддингтон, но не сошла с поезда в Труро*.

— Я уверена, что с ней все в порядке, — сказала я ему.

Мои слова прозвучали банально и неправдоподобно. Я пыталась найти подходящее объяснение произошедшему. Если сбросить со счетов амнезию и лунатизм, вариантов оставалось только два, и ни один из них не утешил бы ее мужа.

— Надеюсь, что так.

Лицо у него было помятое, а глаза словно прятались от меня под слегка распухшими веками. Каким-то образом его лицо казалось одновременно красным и посеревшим, будто неумело слепленным из разных фрагментов.

Я понятия не имела, что делать, и потому вернулась к приготовлению кофе. Он смотрел на свой телефон,

---

* Административный центр графства Корнуолл на юго-западе Великобритании с населением двадцать с небольшим тысяч человек. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вновь и вновь проверяя эсэмэски, как будто они могли прийти незамеченными, хотя он только что до предела увеличил громкость мобильного и даже позвонил на него с городского телефона, дабы удостовериться, что тот работает.

— Следующая электричка через семь минут, — сообщил он.

Я поставила кофеварку на конфорку и включила газ. Поискала в буфете что-то легкое, чем он мог бы подкрепиться.

Мне было странно хозяйничать на кухне у совершенно чужого человека, да еще в такой момент, когда у него, по-видимому, вся жизнь пошла под откос. Он уже почти сорвался с утеса, из последних сил цепляясь пальцами за хлипкий пучок травы.

Я положила на тарелку несколько печений с ванильно-кремовой прослойкой.

Вид из окна открывался впечатляющий, но мы оба смотрели лишь на маленькую станцию прямо перед домом. Как только скрип тормозов возвестил о прибытии поезда, мужчина был уже на ногах, прижимал ладони к стеклу огромного окна и вглядывался вперед. Он бы простил жене все, появившись она в этот момент из-за хвоста поезда, везя за собой маленький чемодан (я была уверена, что у нее маленький чемодан на колесиках). Ему было бы наплевать, где она была, что делала и с кем.

Утро выдалось холодным и ясным, но сейчас по небу быстро плыли облака. Они скапливались над нами, поджидая своего момента; свет вдруг изменился, и, хотя было все еще утро, резко стемнело, как в сумерках.

Мы оба в напряжении ждали, когда короткий, всего в два вагона, поезд остановится у платформы и исторгнет своих немногочисленных пассажиров. Большинство

людей уже сошли с поезда в Фалмуте, на предыдущей остановке.

Сердце у меня глухо застучало, когда в конце платформы показались четверо пассажиров. Первая пара — седовласая, в походной одежде, с рюкзаками на спине и крепкими посохами в руках, — решительно направилась через парковку. Я была уверена, что они держат путь к туристической тропе вдоль прибрежной линии. Укутанный в толстую куртку, шарф и шерстяную шапку, молодой человек со скейтбордом под мышкой прошагал вслед за ними. Последней шла женщина.

Она была подходящего возраста, но выглядела маленькой и нерешительной. Мы наблюдали, как она оглянулась и встала на краю автостоянки, словно чего-то ожидая. На плече у нее висела сумка. Мы смотрели на нее во все глаза, пока к ней не подъехала машина. Тогда женщина с облегчением улыбнулась и, открыв заднюю дверь, закинула туда свою сумку, а сама уселась на переднее сиденье.

Это была не она. Конечно, нет. Я уже больше не надеялась.

По окну застучал мокрый снег.

— Мы должны позвонить в полицию, — сказала я.

Он притворился, что не услышал.

ЧАСТЬ 1

Лара

Глава 1

Август

Он стоял рядом со мной на балконе, протягивая зеленую кружку, которую его отвратительная мать подарила мне на Рождество. Под нами к станции подъехал поезд, состоявший из двух вагонов — более длинному этой платформы не хватит.

— Одна чашка чаю, — сказал он с шутиливой церемонностью, и я едва не передернулась от отвращения. — Надеюсь, это встретит одобрение мадам.

Одобрения это у меня не встретило, но я не могла, конечно, об этом заявить. Я взяла кружку обеими руками, стараясь придать лицу правильное выражение. Он знает, какие кружки я люблю, и знает, что эта определенно к ним не относится. Я не могла ему признаться в том, что меня заботят подобные пустяки. Он бы широко раскрыл глаза и изобразил на лице приличествующее удивление.

— Спасибо, — отозвалась я.

Мы облокотились на перила, задев друг друга локтями, и стали смотреть на город. Солнечный свет падал на поезд, на доки позади станции, на изгибающийся за ними город, обнимавший гавань. Свет отражался от воды, и крохотные ослепительные блики двигались взад-вперед вместе с волнами. По ту сторону устья реки деревья, по-

ля и особняки Флашинга* рдели на жаре, необычной даже для августа. На крыше одного из пакгаузов у причала выстроились в ряд чайки и загорали на свой птичий манер. Чрезмерное, почти неприятное тепло на моей коже, соль в воздухе, которую я обычно не замечаю, размытое отражение солнца на воде — все это вдруг напомнило мне давно забытые детские каникулы.

— Похоже на картинку из детской книжки, правда? — произнесла я. — Станция. Контейнеровозы. Военные корабли. Парусные яхты. Легковые автомобили. Грузовики. Под ней должен быть текст. — Я показала, где именно под станционной парковкой должно быть написано: «Сколько разных видов транспорта ты видишь?»

Он тарасился на меня, а не на указанные мною предметы, поэтому я повернула к нему голову.

— Да, — отозвался он. — И вон те загребущие штуковины. — Он указал на оборудование в доках. — И громадные металлические штуки, которые поднимают вверх всякую всячину. Это золотое дно для книжек с картинками.

Я протянула руку и дотронулась до его предплечья. Волоски на его руке пружинистые и светлые. Даже этот невинный обмен репликами подвел нас слишком близко к теме, которой я старалась избегать, просто потому, что она себя исчерпала. Я сделала глоток чаю (оказавшегося вдвое крепче необходимого) и сменила предмет разговора, указав на дома вдали слева:

— И вон там. Сколько разных человеческих жизней отсюда видно? Тысячи домашних очагов. Все эти окна. Все, что происходит за ними. Держу пари, там куда больше интересных событий, чем можно себе представить.

---

* Деревня в графстве Корнуолл, на юго-западе Англии.

Он, прищурившись, посмотрел на дома.

— Чем могу представить я или любой другой?

— Любой, — уточнила я, пожалуй, неестественно поспешно.

Сэм взял свою чашку с чаем в другую руку и обнял меня за плечи. Я крепко прижалась к нему. Он большой, как медведь, широкий, но не жирный. Это в нем мне всегда нравилось. Пусть мне претит быть женщиной, нуждающейся в заботе большого сильного мужчины, я все же наслаждаюсь его массивностью.

— Ты помнишь, что сегодня приезжает моя приятельница? — спросила я. — Та, с которой я познакомилась на пароме.

— О да. Ты говорила. Как ты сказала, ее зовут?

— Айрис.

— Ну да. Айрис.

Он этого не одобрял. Ему не нравилось, что кто-то еще входит в нашу жизнь. У нас, в общем-то, нет друзей. Я пригласила Айрис именно потому, что хочу это изменить.

— Но мы вроде бы в первый раз за долгое время решили расслабиться, — произнес он. В его голосе сквозила нервозность. — Ты ведь знаешь. Приятно отвлечься от постоянных серьезных разговоров. Мы построили планы, а судьба рассмеялась нам в лицо. — Я приготовилась выслушать тираду о том, что ничто не происходит без причины. — Ничто не происходит без причины, — продолжил Сэм. — И я думаю, все это случилось для того, чтобы сблизить нас, и еще потому, что, возможно, где-то там, в Китае, живет ребенок. Или в Гималаях, как ты всегда говоришь. Ребенок, который в нас нуждается. Вот что предназначено, я уверен.

— Ты только что превратил непринужденную беседу в серьезный разговор.

— О! Прости.

Я глубоко вздохнула:

— Ничего страшного.

Он произносил эту маленькую речь уже сотни раз и, вероятно, был прав. Возможно, бесплодие и все прочее обусловлено какой-нибудь необъяснимой причиной. Быть может, и есть некий ребенок на горном склоне в Непале, которому судьбой предназначено стать нашим. Но мы не в состоянии позволить себе сесть в самолет, чтобы отправиться туда и это выяснить. Даже «Виза», международная платежная система, которая ссужает деньгами всех подряд, отказывается субсидировать наши дальнейшие приключения.

Сэм прав: я всегда толкую о Гималаях. Я всегда стремилась туда поехать — снять домик на горном склоне и жить долгие месяцы на свежем бодрящем воздухе, гулять, смотреть и просто существовать. Я бы сделала это хоть завтра; но даже тогда, когда у нас денег было больше, чем мы успевали тратить, я так туда и не поехала, потому что моему мужу это пришлось бы не по вкусу. Он всегда отговаривал меня в пользу того, что он называл «приличным отпуском».

Возможно, мой малыш и в самом деле ждет меня там, но я не могу попасть к нему. Мысль об этом приводит меня в ярость.

— Я люблю тебя, — проронил Сэм. — Пусть у нас нет денег и никакой ребенок нам не светит, но я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — поспешно заверила его я.

— Лара.

Мы прижались друг к другу, чувствуя солнце на наших голых руках и на макушках, и продолжили глазеть на открывающийся перед нами вид и пить свой чай. Больше говорить было не о чем.

Мне хотелось пронзительно кричать, и порой я это делала. Время от времени я кричала изо всех сил, но только не тогда, когда Сэм дома. Когда он где-нибудь поблизости, я загоняю тревогу глубоко внутрь. Я не могла сказать ему что-либо даже близкое к правде, и потому, полагаю, он видит наш брак совсем не таким, какой он на самом деле. Сэм думает, что мы крепко любим друг друга, что мы побиты жизнью, но оптимистичны, готовы отправиться в новое путешествие — пусть непредвиденное, но от этого его цель становится лишь чудеснее. Муж уверен, что мы всегда будем вместе, здесь, в Корнуолле, за сотни миль от двух наших трудных семей. Он считает, что мы единое целое.

Я же предпочла бы развестись. Но сказать об этом никак нельзя. Втайне я радовалась, что нам не удалось родить ребенка. Вот только сердце моего мужа разбилось бы, услышь он об этом. В нашей совместной жизни не произошло ничего особенного: никто из нас не совершил супружеской измены, муж меня ни разу ничем не обидел, пусть он и невероятно раздражает меня своей угодливостью. Я догадывалась, что выхожу не за того человека, так что сама виновата и теперь нахожусь в тупике.

Интересно, что бы сказал Сэм, узнав, что я постоянно держу в голове план побега и что у меня всегда наготове упакованный чемодан, чтобы в любой момент отправиться в путь. Хотя и сбежать я хочу не от него, а от нашей жизни.

Я убедила себя, что малыш решит все наши проблемы, дав мне новый фокус и объект для любви. На самом деле я знала, что в жизни так не бывает. Ребенку повезло, что он так и не родился.

Полчаса спустя я громко рассмеялась, осознав, что выгляжу как самая безропотная домохозяйка в мире: я, одетая в фартук с оборками, вынула из духовки две

половинки кекса с помощью специальных перчаток-прихваток с цветочным узором — дешевое подражание продукции дизайнера Кэт Кидстон. Я чувствую себя незванным гостем, вторгшимся в чужую жизнь. Я существо из научно-фантастического романа, облачившееся в земное тело, чтобы замаскировать свою истинную сущность. Внутри находится некто, кого Сэм едва ли знает. Это внутреннее существо уродливое и злобное, холодное, разочарованное и глумливое. Я старалась его прятать, потому что Сэм не заслуживает того, что неминуемо начнется, если оно сорвется с цепи.

Правда в том, что я не любила своего мужа. Совсем не любила. В удачное время он мне нравился. Я видела, что он гораздо лучше меня как человек, и это лишь усиливало мою неприязнь. Каким-то образом это также мешало мне его бросить. Я терпеть не могла чай, который он готовит: это просто теплое, водянистое молоко, приобретшее бежевый оттенок от кратчайшего флирта с чайным пакетиком. Когда я его пила, я внутренне передергивалась. Но я вливала его в себя, потому что после пяти лет попыток заставить мужа готовить чай так, как я люблю, сдалась.

Когда он назвал подъемный кран «железной штукой, которая все поднимает» с «хваталкой» на конце, мне захотелось с криком броситься обратно в Лондон. Я замужем за человеком, который называет зарядное устройство для телефона «втыкалкой», а пульт от телевизора — «штукой с кнопками для телика». Привычка, которая прежде казалась почти очаровательной, теперь выглядела настолько неестественной, что я была готова его убить. Приходилось вновь и вновь стискивать зубы, чтобы не выпалить лишнего.

В течение нескольких лет я предлагала в качестве отпуска горный туризм в Непале, однако Сэм, зная, что я хочу этого больше всего на свете, постоянно находил причины

для отказа: ипохондрический синдром в виде больного колена, отвращение к высоте, недостаточная продолжительность отпуска для того, чтобы этот поход имел смысл. Он всегда подталкивал меня к пляжному отдыху: на Канарские острова или во Францию, хотя пляжи есть и у нас, а все они одинаково скучны. Мне нужны горы.

Две половинки кекса превосходно пропеклись. Это потому, что когда мы переехали из Лондона в Корнуолл, у нас еще были деньги и мы купили первую классную плитку марки «Смег». Мы понятия не имели, что вскоре спустим все наши сбережения на три бесплодных попытки экстракорпорального оплодотворения. Знай мы это, я бы обошлась плитой на несколько тысяч фунтов дешевле, которая тоже прекрасно меня бы устраивала, разве что коржи выходили бы чуть менее упругими.

Ни одному из нас никогда не приходило в голову, что природа может не согласиться с нашими планами. Мы казались себе успешными и замечательными сверхлюдьми, которым все подвластно. Мы были лондонскими профессионалами, переехавшими в маленький домик над фалмутскими доками, чтобы построить семью и завести детей. Сэм хотел, чтобы у нас была девочка, вслед за ней мальчик, а затем — третий ребенок (уже без гендерных предпочтений). Они бы были светловолосыми и пышущими здоровьем, учились бы плавать на маленьких парусных лодках и играли в английскую лапту на пляже.

Я поместила кексы на проволочную решетку для охлаждения и положила формы для выпечки в мойку отмокать. В домашних делах я сильна. Никто, наблюдая меня, никогда бы не заподозрил, какое чудовище во мне скрывается. Искусно замаскированному злобному инопланетянину очень одиноко.

У Айрис есть бойфренд, в отношении которого она тоже испытывает двойственные чувства. Именно это

и привлекло меня к ней. Уверена, мы увидели друг в друге родственные души. Вот почему я испекла ей эти кексы.

Порой мне жаль, что я не люблю мужа, но если бы любила, не была бы собой. Пожалуй, для меня более естественно жить во лжи и, собравшись с духом, стараться поступать правильно, чем быть той жеманной домохозяйкой, которая нужна Сэму.

Убрав на кухне и увидев с балкона, что он подстригает в саду траву, я побежала проверить электронную почту. В очередной раз единственная связь с внешним миром осуществлялась через моего верного, проверенного друга.

Я села и начала печатать. Сердце колотилось так сильно, что вибрации ощущались во всем теле.

«Леон, есть новости? Л.»

Затем я отправила это письмо и удалила его из папки отправленных сообщений. Сэм никогда не стал бы просматривать мою электронную почту, но я предпочитала себя обезопасить.

Звонок у двери раздался ровно в половине четвертого. Открыв дверь, я увидела Айрис и широко улыбнулась, внезапно ощутив прилив счастья. Если я в ближайшее время с кем-нибудь как следует не поговорю, то, возможно, убью мужа, когда он уснет.

На ней была коротенькая пышная юбочка, обнажающая ноги, а с руки свисал велосипедный шлем. Волосы у Айрис длинные, густые и спутанные. Они темно-русые, но светлые на концах.

— Ты ехала на велосипеде в этой юбке? — спросила я вместо приветствия.

— Знаешь, я даже не думала об этом. Если кому-то так интересно меня осматривать — на здоровье. Впрочем, я совершенно уверена, что неинтересно.

— Входи.